

ЭЛ-ФАРАБИ атындағы
ҚАЗАҚ МЕМЛЕКЕТТІК ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. АЛЬ-ФАРАБИ

Н. И. ГАЙНУЛЛИНА

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО
В ИСТОРИИ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА XVIII ВЕКА**

(Историко-лингвистический аспект)

Алматы, 1995

Н.И. ГАЙНУЛЛИНА

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА XVIII ВЕКА**

(Историко-лингвистический аспект)

Алматы - 1995

Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века: (Историко-лингвистический аспект). - Алматы, 1995, - 276 с.

В монографии осуществляется всестороннее историко-лингвистическое описание эпистолярного жанра Петровской эпохи на материале обширного письменного наследия Петра Великого, определяется его место в общем процессе развития письменности этого времени, история его номинирования к началу XVIII века, выявляются новые тенденции в содержании и форме частного письма. Впервые предлагается гипологическая характеристика эпистолярия конца XVII - первой четверти XVIII вв. с позиции функционально-смыслового наполнения и с точки зрения мотивов создания частного письма, выделяются и описываются новые типы частного письма исследуемого периода, в частности "женского" и интимного письма.

Книга адресована преподавателям высшей и средней школы, научным работникам, аспирантам и всем тем, кто интересуется историей русского литературного языка.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор ИСЕНГАЛИЕВА В.А.
кандидат филологических наук, доцент ШАЙМЕРДЕНОВА Н.Ж.

ISBN 5-8380-0888-1

© Гайнуллина Н.И., 1995

Введение

Вопросы развития и функционирования русского литературного языка в начальный период становления его как национального не теряют своей актуальности вот уже на протяжении более двух столетий. Закономерность такого интереса определяется уникальностью самого периода, вошедшего в историю под названием Петровской эпохи и связанного с такой же уникальной личностью императора Петра Великого.

Место Петровской эпохи в истории русского литературного языка определено известной его периодизацией, которая многими исследователями предусматривает не только крупные (донациональный и национальный) периоды, или отрезки этой истории (петербургская школа лингвистов), но и более мелкие, так называемые синхронные срезы, на которых отчетливее просматриваются отдельные конкретные изменения в языке и наметившиеся тенденции его развития (Р.И.Аванесов, А.И.Горшков, А.И.Соболевский и др.). Эти синхронные срезы, по мнению исследователей, могут быть различной протяженности, охватывая иногда "временной промежуток в несколько десятилетий" (Ружичка 1978, с. 9). Поэтому понятен интерес к Петровской эпохе, ее литературе и языку, который обнаруживается довольно рано. Что касается лингвистических исследований, то здесь наиболее авторитетный их представитель А.И.Соболевский в своем Курсе истории русского литературного языка (1886) впервые Петровской эпохе отводит специальное место, составляющее десять страниц рукописи. Это свидетельствует о еще недостаточной разработанности проблем истории русского литературного языка данного периода в конце XIX века и в то же время говорит о прозорливости ученого, выделившего, тем не менее, данный отрезок истории русско-

го языка в особый период. Внимательный анализ основных разделов этого труда позволяет судить об главных проблемах, которые автор считал важными для своего времени, а именно: церковнославянский язык Петровской эпохи (л.л. 130-133); повести и переводы петровского времени (л.л. 133-134); деловой язык петровского времени (л.л. 135-139); язык письменности старообрядцев (л. 140); язык 30-40-х годов XVIII века (л.л. 141-142) (Алексеев 1975, с. 131). Как видим, для науки имеет значение то, что это схематичный набросок основных (но, как теперь мы знаем, далеко не всех) направлений при изучении данного синхронного среза истории русского литературного языка.

Дальнейшая разработка вопросов истории русского языка конца XVII - первой четверти XVIII вв. представляет углубленное изучение вопросов, связанных с его становлением как языка русской нации (ср. учебники и учебные пособия по истории русского литературного языка: Виноградов 1938; Якубинский 1953; Устинов 1955; Левин 1958; Шкляревский 1968; Горшков 1969; Ефимов 1971; Ларин 1975; Ковалевская 1978; Мещерский 1981; Филлин 1981 и др.). Характерно при этом, что все ученые подчеркивают такую особенность Петровской эпохи, как наличие своего "языкового лица", своего "языкового почерка" в виде смешения старого и нового. Однако следует учитывать, что несколько десятилетий в развитии языка могут оказаться настолько существенными, что подобный подпериод становится в ряде случаев поворотным в общем процессе развития, совмещая как новые тенденции, так и сохраняя старые. Именно к таким феноменам в истории русского литературного языка и относится Петровская эпоха.

Петровская эпоха представляет тот рубеж, который диахронически определил зарождение и дальнейшее неуклонное становление и утверждение основных особенностей русского литературного языка, к концу XVIII века нашедших качественное завершение в понятии "современный". Хронологически она охватывает последнее десяти-

летие XVII и первую четверть (или треть) XVIII века (Сорокин 1965). Иными словами, Петровская эпоха *начинает* очень противоречивое, богатое языковой эволюцией и бурное XVIII столетие, которое, по меткому выражению Н.Огарева, передало XIX столетию "отрочески сложившийся язык, готовый к возмужанию". Возмужание это, как известно, наступило несколько позже, когда активизировалась филологическая деятельность крупных ученых XVIII века, когда литература окончательно вырвалась из тисков церковнославянских форм выражения и обрела полную самостоятельность, давая, таким образом, возможность ее создателям и творцам к нормализаторской деятельности. Своеобразие в языке Петровской эпохи определилось благодаря тем внеязыковым, общественным, социальным переменам, которые произошли в России в конце XVII - начале XVIII вв.: изменения в государственной сфере, строительство нового флота, армии, активизация культурной жизни (развитие литературы, живописи, архитектуры) и т. п. (подробнее см. работы исторического плана: Анисимов 1981; Антонова 1959; Буганов 1989; Кафенгауз 1948; Маародин 1954; Пекарский 1862; Соловьев 1872, 1984; Устрялов 1863, и др.). Естественно, что подобная активная внеязыковая действительность незамедлительно сказалась на развитии и функционировании русского языка как средства коммуникации. И неудивительно поэтому, что в стабильных программах по истории русского литературного языка в вузах данной эпохе отводится специальное место.

Казалось бы, подобная значимость эпохи, объективно осознаваемая всеми историками русского литературного языка, должна была бы найти и достойное качественное отражение в научной литературе и учебной практике. Как показывают существующие специальные исследования, именно этот хронологически короткий, но очень существенный по лингвистическим особенностям период имеет много "белых пятен", неизученных аспектов, неразработанных проблем.

Поэтому можно вполне согласиться с авторитетным мнением известного историка русского языка Ю.С.Сорокина, которое он высказал более двух десятилетий назад, но которое не потеряло своей актуальности и сейчас: "Наша специальная литература еще бедна наблюдениями по истории формирования литературного языка в первых десятилетиях XVIII века и отдельных речевых сферах этого времени" (Сорокин 1965, с. 4). На этот же факт несколько раньше указывал и академик В.В.Виноградов (1960), позже - в ряде статей и отдельных работах Н.Я.Сердобинцев (1970; 1975). Этот же момент подчеркивал и Ф.П.Филин, который отмечал, что "подавляющее большинство письменных произведений и документов XVIII века в языковом отношении остается еще не обследованным" (Филин 1981).

Обширная лингвистическая литература в значительной степени посвящена разработке различных вопросов русского литературного языка *второй* половины XVIII века (Безобразова 1979; Веселитский 1965; Дадабаева 1978; Жмурко 1980; Замкова 1974; Каримова 1965; Князькова 1974; Ковалевская 1965; Куликова 1982; Лаврентьева 1977; Смолина 1977; Фонштейн 1975; Шоков 1989, и др.).

Недостаточная изученность русского языка начала XVIII века негативно отражается и на содержании вузовских учебников по истории русского литературного языка для филологических факультетов университетов, где, как правило, в отношении этого периода ограничиваются перечислением некоторых, "отчасти случайно выхваченных" особенностей языка отдельных писателей XVIII века - Кантемира, затем Радищева, Карамзина или "общими рассуждениями о смешении различных языковых элементов в Петровское время" (Сорокин 1965, с. 6).

Действительно, сколько-нибудь полной и цельной картины развития русского литературного языка Петровской эпохи мы здесь не находим в силу далеко не полной изученности *всех* жанров пись-

менности этого времени. В ряде случаев приводятся данные, уже устаревшие, иногда "некритически взятые из работ XIX - начала XX столетия, в частности из работ Я.К.Грота и Н.Смирнова" (Сорокин 1965, с. 6), существенную корректировку которых можно найти в новейших исследованиях последних трех десятилетий. Эти данные, на наш взгляд, позволяют уже сейчас написать совершенно новый раздел о состоянии русского литературного языка конца XVII - первой четверти XVIII веков с учетом такого направления, как функционально-стилистическое.

Все сказанное объясняет актуальность проблем изучения развития русского литературного языка Петровской эпохи и то большое внимание, которое можно отметить в науке последнего времени к языку на стыке XVII - XVIII вв.

Наиболее разработанными применительно к этому периоду проблемами являются проблемы лексического заимствования, основных изменений в синтаксическом строе русского языка, словообразования, а также некоторые вопросы формирования отдельных терминологических систем. Что же касается функционально-стилистических особенностей текстов разных жанров, их лингвистической организации, то эта проблема активно попала в поле зрения исследователей в последние два-три десятилетия. При этом анализу подвергались либо художественные тексты, либо тексты специального содержания и назначения, а также переводная литература.

Наименее изученным остается такой жанр письменности Петровской эпохи, как эпистолярный. Однако он оставил заметный след в истории русского литературного языка на уровне становления его норм и даже жанров художественной литературы.

Этой проблеме на материале обширнейшего эпистолярия Петра Великого и его окружения посвящена данная работа.

ЧАСТЬ 1

Переписка Петра Великого в общем
процессе развития письменности конца
XVII - первой трети XVIII вв.

Глава 1

Эпистолярный жанр Петровской эпохи: историко-лингвистический аспект

1. Общий взгляд на языковую ситуацию Петровской эпохи

Последнее десятилетие XVII - первая четверть XVIII вв. выделяются в особый период истории русского литературного языка под названием Петровская эпоха. Она представляет собой часть общего непрерывного процесса языкового развития, в котором нашли отражение старое, традиционное, и новое, нарождающееся в языке, что и затрудняет установление резких границ начала и конца этого периода. Сложность Петровской эпохи заключается и в том, что в XVIII век входят не только Петр и его ближайшее молодое окружение, с готовностью поддержавшее его новые для своего времени идеи и устремления, но и люди старшего поколения с прочно усвоенными общественными и языковыми традициями XVII века, старой, московской, допетровской Руси. Тем не менее, несмотря на противоречивость подобного состояния в обществе и в языке, в начале и в конце крупных периодов истории русского литературного языка, как правило, бывают переходные эпохи, в которых сталкиваются старина и новизна как единство противоположностей. "Такой переходной эпохой было петровское, или, точнее говоря, время с самого конца XVII в. по конец 20-х годов XVIII в." (Сорокин 1965, с. 14).

В это время наблюдается опережающее движение в социальных сферах, тогда как язык еще не выработал достаточно устойчивых форм для выражения этого движения. Отсюда возникало противоречие между формой, во многом уже архаизировавшейся, и содержанием, которое отразило прогрессивные реформы Петра Великого. Подобный процесс является закономерным в жизни любого общества, поскольку "общефилософское определение соотношения формы и содержания языка в общем и целом приложимо и к лингвистическому рассмотрению данной проблемы соотношения между языковой формой и содержанием" (Колшанский 1972, с. 39).

Русский язык исследуемого времени, как никогда, оказался связанным с экстралингвистическими фактами жизни русского общества, кардинально изменившими сами функции его в начальный период формирования как национального.

XVII столетие оставило Петру I в наследство сложность и несовершенство в устройстве общества. Тем не менее, Россия уже в XVII столетии не стояла на месте, "уже появились ростки нового, возникли условия, способствовавшие будущим преобразованиям Петра" (Кафенгауз 1955, с. 15). К таким "росткам нового" следует отнести реформы во многих областях жизни, начатые еще в XVII веке при его деде Михаиле Федоровиче и брате Федоре Романовых (см., напр.: Князьков 1914).

Так, уже в тот период в армии появились полки нового, иноземного строя (солдатские, рейтарские, драгунские), предвосхитившие регулярную армию начала XVIII века. В 1682 году было отменено местничество, в результате чего принцип породы и знатности на государственной службе был заменен принципом выслуги, который нашел впоследствии (в 1722 году) завершение в петровской "Табели о рангах". Было введено военно-административное деление на разряды, т.е. округа - предшественники петровских губерний. И таких на-

меток и реформ можно насчитать немало. Они свидетельствуют о том, что некоторые из будущих преобразований Петра назрели, другие уже начались, хотя и слабо, до него. Не случайно поэтому время царствования отца и брата Петра I называют предреформенной порой, или "кануном петровских реформ" (Панченко 1984).

И все-таки настоящим реформатором и преобразователем России стал Петр Алексеевич, Петр Первый, Петр Великий. Он продолжил дела своих предшественников, но провел реформы на таком уровне и с такими поразительными успехами, которые им и не снились. Думается, нет нужды повторять в подробностях все то, что известно каждому культурному человеку со школьной скамьи и хотя бы немного знакомому с историей России: Петр, приняв бразды правления в последнее десятилетие XVII века, по выражению гениального А.С.Пушкина, "Россию поднял на дыбы", так как именно в это время начались активнейшие преобразования во *в с е х* сферах жизни: реформировалась система управления в государстве, в результате чего были упразднены приказы как государственный институт, замененные коллегиями; изменено административное устройство России, которая была, с целью эффективного управления, поделена сначала на 8 губерний, затем - на 50 провинций; реформировалась армия; буквально на пустом месте, с нуля начинался флот, и хотя в "Предисловии к читателю" "Книги Устав Морской" (1720, с.18) подчеркивается значение Алексея Михайловича в строительстве флота, оно скорее является данью уважения и почтения гениального сына к заслугам отца, чем реальностью, несмотря на то, что яхта-галлиот и корабль "Орел" действительно были сделаны при Алексее Михайловиче и считаются родоначальниками русского флота. Составителями "Устава Морского", среди которых был, безусловно, сам Петр I, это определено словами: "и от начинания того, аки от доброго семени произошло нынешнее дело морское" (1720, с. 18). Ради этого "дела"

Петр I "многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства, учиться архитектуры и управления корабельного" (УМ 1720, с. 27).

В это же время менялась система законодательной и исполнительной власти, развивалась промышленность, наука, менялись культурные ценности и приоритеты, и т.д., и т.п. (См. подробнее известные работы историков В.О.Ключевского, Н.Г.Устрялова, С.М.Соловьева, Б.Б.Кафенгауза, В.И.Буганова, Н.И.Павленко и др.). Все это и многое другое всколыхнуло страну, определило большое передвижение населения в связи со строительством новых городов, ведением войн, строительством заводов, кораблей и т.п. Естественно, что это требовало и новых усилий со стороны нарождающейся нации. Значение же языка как средства коммуникации в подобных условиях становится первостепенным, определяющим, *объединяющим*.

Однако известно, что русский язык к петровскому времени пришел в форме весьма пока далекой от совершенства как средство коммуникации в условиях нарождающейся нации. Его нормы не в полной мере отвечали новым требованиям, поскольку в наследство ему досталась весьма противоречивая языковая ситуация, называемая в науке двуязычием. "Специфическим для ситуации XVIII в. (первая его треть) является чрезвычайное расширение функций церковнославянского языка (сохранившегося в начале века в качестве особого типа письменного языка), распространение его в таких жанрах письменности, как драматургия, поэзия, научная и техническая книга, политический трактат, правовой документ и т.д. А это означало появление новых контактных зон русского и церковнославянского" (Кутина 1977, с. 28-29). Книжный язык в форме церковнославянского сложно, но продолжает выполнять возложенные на него функции рядом с новой активной струей языка делового документа.

Петровская эпоха, следовательно, начала весьма своеобразный век - XVIII-ый, который хотя и представлял некое единое языковое состояние, тем не менее характеризовался "значительными внутренними перестройками, перегруппировками, сменами, отражающими активно протекающий процесс складывания русского литературного языка нового времени и норм в области лексической семантики и словоупотребления" (Кутина 1977, с. 28). Подобное состояние русского литературного языка применительно к концу XVII - первой четверти XVIII вв. традиционно называют в науке "хаосом" и "смещением", с чем трудно согласиться при более внимательном рассмотрении языковой ситуации данного времени.

Взгляд на языковую ситуацию исследуемого периода теснейшим образом связан с проблемой нормы как диахронического явления. Что же представляла собой норма в языке данного синхронного среза на диахронической оси истории русского литературного языка? Как она соотносилась с особенностями языковой ситуации петровского времени? Существовала ли она вообще в этот период? Эти и другие вопросы неоднократно ставились в науке. Ответы на них пытались дать многие лингвисты XX столетия, так как проблема языковой нормы вообще постоянно находилась и находится в поле их зрения. На ее важность в процессе формирования русского литературного языка указывали многие авторитетные ученые (В.В.Виноградов, К.С.Горбачевич, С.И.Ожегов, Ф.П.Филин и др.), подчеркивая ее центральное место в вопросах изучения языка.

Следует, однако, подчеркнуть, что о норме говорят в первую очередь как о синхронном явлении и притом применительно к языку национального периода. Ср. в этом отношении наиболее авторитетное мнение В.В.Виноградова: "Основным признаком развития национального языка, в отличие от языка народности, является наличие единого, общего для всей нации и охватывающего все сферы общения

нормированного литературного языка, сложившегося на народной основе... Основными признаками национального литературного языка являются его тенденции к всенародности или общенародности и нормативность. Понятие нормы - центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и в разговорной форме)" (Виноградов 1967/ Хрест., с. 509-511). Эту дефиницию нормы можно рассматривать как аккумулирующую представления русистов XX столетия по данному вопросу (см., напр.: Горшков 1969, с. 147; Скворцов 1979, с. 163, и др.).

Что касается диахронического аспекта этой проблемы, то "она едва только начинает изучаться" (Будагов 1967), хотя подступы к ее решению находим в работах 50-х годов. Так, С.И.Ожегов в свое время указывал на необходимость учета диахронического фактора при определении нормы в языке. В частности, он писал: "Прежде всего может ли быть единой языковая норма от Пушкина до наших дней на всех этапах развития русского литературного языка, как склонны думать, упрощая дело, и некоторые языковеды? Действительно, каждый новый этап в жизни языка не отгорожен от предшествующего, а подготовлен им и тесно с ним связан... Следовательно, каждый этап развития языка, являясь продолжением этапа предшествующего, имеет свои нормы, и объективное развитие языка есть становление его нормы" (Ожегов 1955/ Хрест., с. 463-464).

С учетом такого представления в последние примерно три десятилетия наблюдается определенный сдвиг в решении данной проблемы, что выражается в четко установленных критериях различного понимания нормы применительно к донациональному и национальному периодам истории русского литературного языка. Так, одним из самых существенных отличий в этой области является введение понятия "скрытой кодификации" (Филин 1981, с. 189) в языке донационального периода. Суть ее ученые видят в том, что в этот период

функции нормы выполняют образцовые, авторитетные произведения, в которых и была реализована современная им литературная норма (см.: Едличка 1976, с. 31; Васильев 1982, с. 3; Михайловская 1974, с. 134; Филлин 1976, с. 6 и след., и др.).

В связи с формированием русского литературного языка, начало которого связывается обычно со второй половиной XVII - первой четвертью XVIII вв., понятие нормы довольно резко меняется под влиянием активных экстралингвистических факторов, что особенно явно отразилось в истории русского литературного языка в Петровскую эпоху. Для данного ск. хронного среза ученые неоднократно отмечали такую особенность, как *смешение* единиц разных стилистических и генетических пластов в текстах отдельных жанров письменности. При этом подобное "смешение" рассматривалось как нарушение всех и всяческих норм русского письма (Виноградов 1938, с. 91; Левин 1964, с. 117, и др.).

Однако более внимательное изучение письменных памятников первой четверти XVIII века, в частности, делового и эпистолярного наследия Петра Великого, позволяет взглянуть на данное явление с несколько иных позиций и в ином аспекте.

С чисто внешней стороны смешение, например, лексических элементов "феодалного двуязычия" (В.Д.Левин), иноязычий и просторечия действительно представляется очень яркой чертой письменности Петровской эпохи. Тем не менее, квалификация этой функциональной особенности указанного периода как почти хаоса, который обычно подчеркивается исследователями, при близком рассмотрении фактов не оказывается таковым. Смешение лексических элементов разной генетической и стилистической отнесенности представляется нам своеобразной *нормой переходного периода*, каким и была сама Петровская эпоха.

Деловая и бытовая (эпистолярная) письменность этого времени, по своей прагматической направленности вышедшая на передовые позиции в качестве средства коммуникации, является ярким тому доказательством. Исходя именно из этой особенности эпохи, трудно в наши дни согласиться со ставшими уже классическими утверждениями о том, что "язык произведений Петровского времени поражает своей стилистической пестротой и неупорядоченностью". И далее: "То, что раньше было сосредоточено на разных полюсах языка, что представляло разные языковые системы, отражая феодальное "двуязычие", могло оказаться бессистемно смешанным в пределах одного произведения. К этому добавился и мощный иноязычный элемент, что привело к еще большей пестроте письменного языка" (Левин 1964, с. 117) (Подчеркнуто нами. - Н.Г.). Данная оценка языковой ситуации исследуемого периода носит явно негативный характер, поскольку автор явно однозначно оценивает "пестроту" и "неупорядоченность" в языке петровского времени и говорит об этой особенности с укором.

Действительно, письменность Петровской эпохи дает многочисленные образцы стилистической "неупорядоченности"; действительно, то, что раньше было сосредоточено "на разных полюсах языка", теперь оказывается рядом в пределах одного текста. Но! Для науки наших дней уже недостаточно квалифицировать подобную языковую особенность текстов первой трети XVIII века как неупорядоченность и тем более как "бессистемную смешанность". На наш взгляд, эта функциональная черта данного времени должна рассматриваться с позиций в целом новых требований речевой практики, новых норм, которые смело и по-новому раскованно включали в свой арсенал все лучшее, что было в языке предшествующих эпох, в том числе и то, что было регламентировано узкими рамками применения в отдельных жанровых разновидностях письменности. Скорее было бы уди-

вительно другое: если бы в эпоху кардинальных общественных изменений и потрясений, повлекших за собой практически полную перестройку всех социальных и духовных сфер и областей жизни, язык никак не отреагировал на подобную ситуацию и остался в прежних традиционных рамках своего использования. Именно закономерный процесс реагирования на внешние революционные изменения в обществе привел к новой форме языковой реальности, которую В.М.Живов назвал "гибридным языком" (Живов 1992, с. 3). Можно спорить об удачности или неудачности термина, но нельзя отрицать, что суть лингвистического явления, названного им, довольно точно соответствует этому понятию, убедительно аргументирована автором и полностью соответствует нашему представлению о языковой ситуации этого времени.

Столкновение традиционного, ориентированное на предшествующие этапы функционирования русского языка в двух его разновидностях (типах, по В.В.Виноградову), с новыми лингвистическими фактами, номинированными в соответствии с новым же характером экстралингвистической ситуации, и создает то, что названо наукой хаосом в языке на стыке XVII-XVIII вв. Однако известен и не вызывает ни у кого возражения постулат о том, что Петровская эпоха - это своеобразный мостик между прошлым русского языка и будущим национального русского языка, т.е. это *переходная эпоха* в его истории, которая, следовательно, подчиняется *своим* законам и *нормам* применения языковых средств, ибо в ней на основе преемственности совмещается старина (точнее - традиционность) и новизна. "Преемственность обнаруживается прежде всего в исторически сложившихся свойствах языкового материала, а новизна - в переосмыслении этого материала, в формировании тех новых понятий, которые это переосмысление обуславливают" (Живов 1992, с. 2). Это вообще закономерное противоречие в языке любого переходного пе-

риода (ср., напр., язык великорусской народности в период разделения древнерусского языка на три самостоятельных языка - русский, украинский и белорусский. - Горшков 1969, с. 99). Поэтому если с подобных позиций смотреть на язык Петровской эпохи, то "хаос", который привычно отмечают исследователи, говоря о данном времени, представляется не как отсутствие всяких норм (это, по нашему мнению, скорее взгляд на языковую ситуацию "сверху"), не как смешение, а как *закономерное соединение традиционного и нового*, которое наиболее заметно на уровне лексического употребления в текстах этого времени (взгляд "изнутри"). Это представление о языке с позиций функционального подхода, рассматривающего не отдельные уровни системы: (стробовый подход, свойственный исторической грамматике), а *текст* как коммуникативное построение более высокого порядка, когда речь идет об употреблении языковых единиц (см.: Винокур 1959, с. 221). Именно тогда так называемое "смешение" и тем более "хаос" предстанут как своеобразная норма переходного периода в истории русского литературного языка. Ее (более или менее представленную) можно наблюдать практически на всех отрезках диахронической оси, когда один период сменяет другой. Только особенно четко, резко и рельефно она проявилась в исследуемый нами период, поскольку все процессы в языке этого времени отличались исключительной интенсивностью и поэтому оказались более заметными, лежащими буквально на поверхности. Такая норма переходного периода, как правило, являясь обязательной с диахронической точки зрения, предшествует выработке устойчивой нормы периода унификации языка.

Следует отметить, что столкновение старого и нового в Петровскую эпоху по-разному представлено в разных жанрах письменности. Как описанный выше процесс, при котором наблюдается довольно органичное соединение книжных (церковнославянских), исконно русских и заимствованных (т.е. того, что можно назвать оправданным

соединением), это отмечается в деловой письменности, к которой примыкает и эпистолярная. Естественно, что составитель делового документа или пишущий деловое, официальное (полуофициальное) письмо, а также любое другое частное письмо, предстает как бы в двух ипостасях: с одной стороны, он, как языковая личность, воспитан на традициях языка предшествующего периода, кодифицированный характер которого воспринят им в процессе получения образования; с другой - он носитель живого языка и одновременно активный член общества, в котором живет, работает, шире - творит. И как представитель социума, носитель языка этого социума неизбежно так или иначе участвует в создании материальных и духовных ценностей. Особенно если это выдающаяся личность, личность, активно влияющая на сам жизненный процесс. На данный факт в свое время указывал академик В.В.Виноградов, подчеркивавший важную роль писателей в формировании и нормализации русского литературного языка XVIII века. В частности, он писал, что "нельзя недооценивать большого творческого участия в том процессе и других передовых общественных деятелей, особенно представителей общественной науки" (Виноградов 1966, с. 21).

В конце XVII - первой четверти XVIII вв., безусловно, такой личностью был сам Петр I, которого трудно отнести к отдельно взятой области науки или общественной сферы жизни, ибо он был инициатором творческого начала практически во всем, что происходило в его правление. Не менее интересными в этом отношении являются и его сподвижники, воспринявшие его идеи и старавшиеся претворить их в жизнь. Все, что делалось этой выдающейся плеядой людей во главе с Петром I, неизбежно получало отражение в языке, номинировалось с помощью вновь созданных единиц на базе словообразовательных возможностей русского языка (Мальцева, Молотков, Петрова 1975) либо путем заимствования из других языков (Василевская

1968; Волоскова 1969; Гайнуллина 1973(1); Дашкова 1971; Иссерлин 1965; Крысин 1968; Рейсак 1963; Сидоров 1969; Смирнов 1910; Сорокин 1965; Сороколетов 1970; Филин 1981 и др.) и становилось составной частью речевого обихода и, следовательно, попадало в переписку, если таковая имела место. Подобное соединение было оправданным, хотя в функционально-стилистическом отношении создавало весьма своеобразный рисунок в лингвистической организации письма и воспринималось с формальной, внешней стороны как "смещение" и "неупорядоченность".

Сравним частное письмо делового характера:

Того ради не надлежит тебе в назначенные квартиры от поляков в воеводстве Краковском и в протчие места войск разставляивать, но приближитца, как возможно, к волоским границам и х Каменцу-Подолскому и поставит войско на контонирах и не тех квартир, которые определены, велеть свозить правиант и фураж на войско (Петр I - М.М.Голицину. X, 444. 1710).

Как видим, здесь и разговорные единицы (приближитца, разставляивать, свозить), и канцеляризмы (надлежит, назначенные, определить), и специальные наименования (граница, войско), в том числе и заимствованные (квартиры, фураж, контониры, правиант). Но каждое слово или форма слова номинативно значимы и находятся на своем месте, выполняя необходимые назывные функции. Необычность текста даже для носителя русского языка того времени определяется лишь тем, что ряд слов - это новые лексические заимствования, среди которых отмечается и окказиональное наименование *контониры*, семантика которого нами не установлена. Окказиональность его бесспорна, потому что в письмах Петра I оно употребляется лишь два раза в переписке 1710 года и больше ни разу не встретилось. Не отмечают его и все использованные нами словари. Указанные признаки

организации текста и определяют его восприятие как "смешанного" по форме выражения.

Примеры лингвистической организации подобного рода в петровское время можно найти в большом количестве в деловой переписке и бумагах официального характера (грамоты, инструкции, указы, указы, донесения и т.п.) Например, в грамотах как жанре деловой письменности:

...и тако надлежит то во осмотрени иметь, что в нынешние веки сильнейшие и обученнейшия войска и славнейшия генералы, кроме отчаянных ветроглавов, бес крайней нужды и осмотренного фортелю никогда до главной баталии не приступают, но воинские свои действия огправляют вымыслами, утомляя неприятеля маршами и партиями (Грамота к украинскому народу. IX, I, 63. 1709).

В данном официальном документе на фоне единиц общего употребления в пределах одного текста опять же находим и канцеляризмы (надлежит иметь), и специальные наименования (приступить до, неприятель), среди которых достаточно неологизмов иноязычного происхождения (баталия, марши, генералы, партия), а также другие по семантике иноязычия (фортель в значении "выгода; хитрость, ухищрения"), разговорные слова (ветроглавы) и книжные образования (силнейшие, обученнейшия, славнейшия), сигнализирующие об официальности (и, следов. гелньо, книжности) текста (жанр грамоты).

Или: Итить со всеми правиянскими судами, сколко возможно скоро, к Выборху и, пришед, немедленно выгрузитца, и которое судно выпущено будет, тотчас посылать к батареям, и там всем збиратца, а с последним самому ехать к батареям, и оттоль тотчас к Котлину острову (Указ Вейбранту Шелтингу. XII, I, 174. 1712).

Здесь также отмечаются и разговорные (оттоль, збиратца, итить), и книжные (пришед), и новые, пока малоупотребительные заимствования (батареи), которые включены в лингвистическую организацию

текста как равноправные. Эти особенности в построении текста наблюдаются особенно ярко в указах, инструкциях, "верющих" грамотах и т.п. документах начала XVIII века.

Ср.: Кондиции к такой оборонительной альянции объявлены в посланной к нему от 29 мая нынешняго году с камергером Нарышкиным инструкции и в сочиненном от него, господина тайного советника, и здесь поданном проекте (Инструкция И.-Х.Урбиху, XII, 2, 81. 1712).

Как видим, и здесь превалирует официально-деловая с элементами канцелярской речи (тайный советник, оборонительная альянция, объявлены, инструкция) и заимствованная лексика того же функционально-делового круга ее употребления (альянции, кондиции, инструкции, камергер, проект).

Подобных примеров можно привести очень много, что свидетельствует о новых тенденциях в русском языке переходного периода и о создании временной нормы - нормы переходного периода. Такая норма допускала не только регламентированные необходимые единицы в тексте, но и окказиональные образования как исконного, так и заимствованного характера. При этом подобная лингвистическая организация текста воспринималась как закономерная, поскольку не противоречила логике развития языка в целом.

Иное восприятие такого соединения традиционного и нового получаем при чтении художественных текстов. Художественная литература, как известно, подчиняется своим законам - законам художественного, индивидуального творчества, предполагающего специальный отбор языковых средств выражения создателем произведения. Понятно, что новое, появлявшееся в жизни и получавшее наименование в языке, находило отражение и в художественной литературе. Однако в ней это новое своеобразно преломлялось через призму создателя художественного произведения (в том числе и ано-

нимного). Благодаря этому столкновение генетических славянизмов, русизмов и заимствований воспринималось (и воспринимается современным читателем или исследователем) несколько иначе, чем в документальной (деловой, официальной, эпистолярной) письменности.

В художественном произведении столкновение указанных генетических и стилистических средств выражения нередко применяется автором *намеренно*, почему на выходе в процессе коммуникативного акта получает иное функционально-стилистическое звучание, а на уровне восприятия языковой ткани произведения его адресатом может быть определено как *намеренное смешение*, ставившее целью эмоциональное воздействие на читателя.

В качестве примера такого смешения акад. В.В.Виноградов приводит образцы как лирики, так и прозы того времени (Виноградов 1982, с. 94 и след. См. также: Перетц 1905; Горшков 1969, с. 178-180; Ковалевская 1978, с. 144 и след., и др.). Стиль повествования в этих произведениях, определяемый в науке как "посредственное наречие", "обнаруживает типичные для Петровской эпохи формы пестрого, неорганического смешения разных языков и стилей" (Виноградов 1982, с. 94). В арсенале их были и церковнославянизмы в лексике и грамматике, и русское разговорно-бытовое просторечие, и следы польско-украинского влияния, и новые "европеизированные" формы русской литературной речи.

Особенно наглядно данная особенность проявилась в повестях петровского времени, отразивших динамику в стилистическом развитии русского литературного языка на уровне художественной литературы. Это выразилось в использовании, с одной стороны, традиционных образов и приемов, выработанных тысячелетней историей устного народного творчества, а с другой - в новом влиянии западноевропейской литературы, породившей и новые жанры лю-